Творчество

Лидия ПАВЛЕНКО

* * *

Веселый март ворвался, хохоча,
Румяный от стремительного бега.
Ветшает потускневшая парча
На солнце заискрившегося снега.
И ожил вдруг языческий Перун,
Коснулся занемевшими руками
Трепещущих, тончайших в мире струн,
Забытых и нетронутых веками.
И звуки старой, одинокой скрипки
Запенились бурлящим переливом,
И даже небо лопнуло в улыбке,
Заголубело глазом шаловливым.

* * *

Прости мне мою усталость,
И слезы мои прости.
Мне жаждалось и мечталось
Весь мир от печали спасти.
И только теперь проснулась —
Как сладких тех снов мне жаль! —
О камень в пути споткнулась:
Бессмертна людская печаль.

* * *

Что не спето — то забыто
И потеряно навек.
Да и память: шито-крыто,
Как в глубинах темных рек.
И не выудить той песни
Мне с речного дна.
Мы когда-то пели вместе,
А теперь — одна.
Пленницей теперь томлюсь
Средь холодных стен.
Только плачу да молюсь —
Так уныл мой плен.
И тесна, и неуютна
Мне монашья эта клеть.
Все я силюсь поминутно
Вспомнить что-то и... запеть.

* * *

В усмешке или в изумленьи
Сощурен темный глаз:
Неодолимость вдохновенья
Иль плач бескрылых фраз?
Но каменеет в беспокойстве
Тяжелый очерк скул:
Неужто в горечи и злости
Мой скорбный дар уснул?

* * *

Проснись: вокруг такая глушь,
Такая тишина!
И в зазеркалье темных луж
Медовый блик окна.
И ласковый, дрожащий свет,
Как выкрик в тишине.
И чей-то скорбный силуэт
В медовом том окне.
И слезы, как осколки сна,
Как капельки дождя.
Там кто-то, стоя у окна,
Оплакивал тебя.

* * *

А мне теперь лишь тишина осталась,
И это для меня уже не ново.
А ведь когда-то верилось, казалось,
Мечталось мне: "Вначале было слово..."
Склонившись над нечитанной
страницей,
Глаза прикрыв, забудусь в полусне.
И слезы остывают на ресницах...
Хоть ты, любимый, вспомни обо мне.

* * *

Серебряной речки тугие извивы,
Душистые травы, ночные фиалки.
У самого края усталые ивы —
В туниках тончайших
шептуньи-весталки.
Ладонями узкими тихо лаская
Изгибы реки, как диковинных птиц,
Усталые ивы у самого края
Душистые звезды роняли с ресниц.

Фарфоровому голубю

Средь пожелтевших переплетов
Забытых, запыленных книг
Ты в неизбежности полета
К стеклу крылом своим приник.
И перламутровые крылья
Трепещут тенью полусфер,
Чтобы среди остывшей пыли
Ты ожил, вздрогнул и... взлетел.

* * *

Восьмое. Суббота. Безветренно. Сухо.
Ужин остывший, желтая скатерть...
И отчего я, как злая старуха,
Все стерегу свою щедрую паперть?
И почему мне мучительно снится
Не величавый журавль в облаках,
А лишь невзрачная, жалкая птица,
Робко притихшая в теплых руках?
Так и живу в ледяной полудреме,
Не тороплюсь, не смеюсь, не лукую.
И отчего в своем чистеньком доме
Я о веселых ветрах не тоскую?
Давит на плечи тяжелое что-то,
Что и не снимешь усталой рукой.
Все, что осталось: восьмое, суббота,
Ужин остывший и... полный покой.

Песня нищего

Не бейте по протянутым рукам
И мимо глаз молящих не пройдите,
Ступая гордо сквозь неон реклам,
Хотя б улыбкой доброй одарите.
Отдайте малость от мирских щедрот,
Коль в жизни преуспеть и вам удастся,
Не искривя брезгливо сытый рот...
Поверьте: вам сторицею воздастся.

Ода домашнему очагу

Прочнее все исконных аксиом,
Из всех законов —
справедливейший закон —
Мое пристанище — многоголосный дом,
Сияющий единственным окном.
Мне в окружении родных пенатов
(Пусть не уютный домик —
лишь квартира),
Все запросто: здесь мне сам черт —
за брата,
И, кажется, у ног моих полмира!

* * *

Сорвалось слово злое
Невзначай, вскользь,
Боже, что со мной такое
Стряслось?
Губы гневно искусала
До крови.
Отчего такой я стала?
От любви?
Не шепчу тебе я нежно
Добрых слов.
Все в душе моей мятежной —
Ревность, зло.
Ревность — вот она, причина
Сотен бед.
Я — ревнивица, ундина,
А ты — нет.

Плешкам ГУЛАГа

С какою болью о свободе вы мечтали,
Натужно вглядываясь в ливневую муть.
Слезами, потом землю обжигали,
Сквозь недомыслие прокладывая путь.
С какою горечью вгрызались
в серый камень
Заплесневелого тюремного пайка,
В сыром нутре холодных
мрачных камер
Глаз воспаленных не сводили с потолка.
И как отчаянно вам жаждалось,
наверно,
Зубами рвать тяжелый красный стяг,
Чтоб отомстить за злую муку плена
В своей стране за страх и за ГУЛАГ.

* * *

Все горит твоя лампада
В зыбком сумраке мерцая.
Что же это: отблеск ада
Или зов земного рая?
И презрев весь мир мятежный,
Крылья в клочья обрывая,
Мотыльком слепым и нежным
В пламени твоем сгораю.

Людмила КУШМАНОВА

Строки любви и печали

* * *

С. К.

1.
Почему ты не снишься мне?
Приходи хоть в коротком сне,
чтоб увидеть тебя, дорогой,
чтоб прижаться к щеке щекой,
ощутить твоих рук кольцо,
целовать родное лицо
и шепнуть простые слова:
— Нет тебя.
А любовь жива.

2.
В бессмертье душ не верь или поверь,
любимые глаза навстречу не сияют.
И неотступна скорбь,
и равнодушна смерть.
Как ни моли, любимые не оживают.

3.
В костре, горевшем ясно,
чадят и тлеют угли.
Но солнце — не погасло.
И травы — не пожухли.

4.
А песня должна быть крылатой,
чтоб с нею до неба подняться:
сквозь слезы и боль, и утраты
ей радоваться и удивляться.
И пусть она все вмещает:
долины, и горы, и реки,
и смертной разлуки прощанье,
и первых свиданий трепет.
Из тайников подсознанья
резнет вдруг по сердцу боль.
Но песня через страданья
все дальше ведет за собой.
Уводит в счастливое лето
к пушистым головкам детей,
и сердце уже отогрето
без всяких премудрых затей.
Не в жестах, не в криках сила.
Лад песни они только рушат.
Добрые чувства будила
да трогала б песня душу.
Тогда, ей доверив печали,
душа обретает стойкость,
удары судьбы встречая
мужественно и достойно.

* * *

Р. Д.

Во бдениях дух властвует над плотью.
Возносятся к Творцу слова
молитв горячих:
— О, Милосердный, стань оплотом
для тех, кто слеп и нищ душой незрячей.
Пуская твое божественное слово
стезею станет всем,
во тьме бредущим.
И вера истинная, доброты основа,
да осенит их, жаждущих и ждущих!
Пусть снизойдет дух
Божьей благодати
на души, истомленные неверьем.
Прими мольбу мою горячую, Создатель,
сердцам слепым пошли святую веру.

Инна ВОСКОБОЙНИКОВА

* * *

Р. Дышаленковой

Светлая, лесная чародейка,
крылья раздающая бесплатно,
нежно отведет беду-злодейку,
обогреет песенно и жадно.
Улыбнется карими глазами
и, как хрупкий, радостный рассвет,
полетит, влекомая стихами,
в высоту своих крылатых лет.

Разлука

... Но все же не зови разлуку
молитвой нежной или песней.
Она искусницей усталой,
закутав дрябленькие плечи,
к тебе войдет с улыбкой талой...
К тебе войдет с улыбкой талой
и по-старушечьи упрямо
в твое внимательное ухо
сведю мелодию споет:
в разлуке сердцу биться легче,
глазам — гореть волшебным блеском,
душе надежней и вернее
в полете крылья обуздать...

К подснежникам

Глядите хрупко с самой серединки,
одетые в цветные распашонки.
И сказки вы храните, и былинки,
как мудрые лесные старушонки

* * *

Я так люблю подснежников дыханье,
протяжный стон обманчивого ветра.
Мне дорого лесное колыханье
любовно коронованного света.
Мне радостно забыть твою улыбку,
как солнцем, расставаньем озариться.
Душа твоя — тоскующая скрипка —
до струн моих дотронуться боится...

* * *

Тебя люблю застенчиво-пугливо,
с порывом смеха в горестном метаньи,
то ласково, то чуточку ревниво,
исполненная жаждой расставанья.
Люблю тебя пронзительно и нежно
(так любят осень в солнечном наряде),
когда блестит доверие небрежно
в твоем волшебном одиноком взгляде.
Зову тебя молитвенно-кристально,
пою тебе священную осанну...
Мой ласковый, как небушко,
хрустальный,
я все равно любить не перестану!

* * *

Магнитогорску

Этот город преогромный
с темно-рыжими кудрями,
с трубами-богатырями,
стал моим духовным домом.
И его живая сила
возносила мою душу,
оттого я не нарушу
тишину волшебной лирой.
Светлых улочек звучанье,
радость суетных прохожих
на меня чуть-чуть похожих...
Все здесь — милое признанье!

* * *

— Он влюблен! —
прокричали мне птицы,
проплывая над морем.
Ты влюблен? Или это мне снится?
Только чудится с горя...
Да, влюблен! Замирают весенние реки.
И подснежник в короне
закрывает злаченые веки
в удивительном звоне...

* * *

Моя судьба — поэзия певучая,
крылатым словом небо всполошившая.
Душа твоя — симфония летучая,
своей любовью мир заполонившая.

Праздник разлуки

Взгляд твой радостно нежен,
полон ласковой тайны,
как цветущий случайно
синекрылый подснежник.
Музыкальные звуки
и затишие клавиш...
Почему ты не славишь
этот праздник разлуки?
Лишь печалишь ресницы
и вздыхаешь о прошлом,
как прощальная птица
при отлете тревожном.
Очумелое лето,
колдовское начало...
Ты был утренним светом.
... Я тебя не встречала.